

русский **иностранец**

Алексей Тарханов

До востребования,
Париж

РЕДАКЦИЯ
ЕЛЕНА ШУБИНОЙ

Издательство
АСТ
Москва

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Т22

Художник — *Владимир Мачинский*

«Редакция Елены Шубиной» благодарит компанию
Louis Vuitton за поддержку в издании этой книги

Тарханов, Алексей Юлианович.

Т22 До востребования, Париж / Алексей Тарханов. —
Москва : Издательство АСТ : Редакция Елены Шуби-
ной, 2022. — 439, [9] с. — (Русский иностранец).

ISBN 978-5-17-139415-8

Алексей Тарханов — журналист, архитектор, художественный критик, собственный корреспондент ИД «Коммерсантъ» во Франции. Вместе с автором мы увидим сегодняшний Париж — зимой и летом, на параде, на карантине, во время забастовок, в дни праздников и в дни трагедий. Поговорим о еде и вине, об искусстве, о моде, ее мифах и создателях из *Louis Vuitton, Dior, Hermès*. Услышим голоса тех, кто навсегда влюбился в Париж: Шарля Азнавура, Шарлотты Генсбур, *Zaz*, Пьера Кардена, Адель Экзаркопулос, Ренаты Литвиновой, Евы Грин.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Тарханов А.Ю.
© Сноб
© ИД Коммерсантъ
© Condé Nast
© Forbes Russia
© InStyle
© Иммедиа
© Robb Report
© Эрмитаж
© Вуго 24/7
© ООО «Издательство АСТ»

ISBN 978-5-17-139415-8

До востребования,
Париж

МОЙ ПАРИЖ

#парижскийадрес #парижскиевремена

В Париже я бываю почти каждый день.

Случаются моменты, конечно, когда работа заедает. Нет никакой возможности даже высунуть нос на улицу.

Дело в том, что я здесь работаю журналистом.

Статьи образуются неожиданно. Проснешься с утра, а надо писать. Очень мешают террористы. Они вечно не вовремя со своими дикими выходами. Или политические инициативы. Или разные культурные фейерверки. Или демонстрации по субботам.

Но всегда есть возможность открыть дверь, спуститься по лестнице. Два этажа бегом.

А там Париж.

Я к этому так до конца и не привык, хотя живу здесь аж с 2012 года.

До этого я, конечно, приезжал во Францию не раз, упражнялся во французском, гулял, смотрел, ел, пил, слушал фонтаны, но каждый раз мой путь был таким: Тверская, потом Ленинградка, такси, пробка, спешка, зеленый коридор, пристегнуть ремни и открыть шторы иллюминатора, опять открыть, опять пристегнуть.

Потом еще один зеленый коридор, опять такси, пробка, спешка, отель уже в сумерках и наконец-то возможность выйти на улицу и вдохнуть парижский воздух. Тот самый, который в моем детстве привозили в сувенирных баночках *Air de Paris*.

А тут прямо сразу. За окном.

Во времена перестройки мы забавлялись фильмом «Окно в Париж». Режиссер Юрий Мамин снял кино про то, как изредка в питерской коммуналке открывалось окошко, через которую можно было выйти на парижскую крышу.

Ловко закрутил — думал я тогда. Хорошая история. Фантастика. Очень смешно. Понятно же, что никогда ни один советский человек не пролезет в Европу ни через какое окно. Ни через игольное ушко даже.

Он пойдет в соответствующие органы, подаст бумаги, ему сделают паспорт, поставят визу на выезд, потом он выпросит визу на въезд, потом он выстоит очередь за билетами в агентстве «Аэрофлота» напротив «Парка Культуры». Обменяет валюту — 30 рублей в капстрану. И поедет себе на здоровье.

Но вот так прямо открыть окно и выйти — не смешите.

Оказалось, сказка — ложь, да в ней намек. Не представлял, что вдруг настанет момент, когда это окошко откроется и для меня. И даже не окошко. Целая дверь. Парадное! А там — Париж. Немыслимо.

Я бы понял, если бы у меня в парадном сидел человек в зеленой фуражке. Выходишь из дома, тебе корректный вопрос: «Цель поездки?»

— Личная. За хлебом.

— Проходите!

УВИДЕТЬ ПАРИЖ И УМЕРЕТЬ

#парижскийадрес

Если мне грустно, я выглядываю в окно и думаю: «Там — Париж. Мой Париж».

Вы, наверно, думаете, что я совсем дурачок? Дался мне этот Париж?

Есть богатый Лондон, там все намазано взбитыми сливками с фэйф-о-клока. Есть Нью-Йорк, оу-вау-Нью-Йорк, где все так и пышет энергией! Только приезжаешь, и сразу энергия, как будто бы тебя подкручивают динамкой. И прямо прет, так и прет.

А Париж? Стар, неопрятен, хамоват, демократичен.

Конечно, я дурачок, но не совсем.

Мне много раз объяснили, что ни во что нельзя влюбляться. И ни в кого.

Стоит влюбиться в женщину, как она уже сидит у тебя в доме и порицает твои порядки.

Стоит влюбиться в квартиру, как нахлынут водопроводные воды, грянет ремонт, выскочат налоги с коммуналками, зачем тебе связываться с недвижимостью, надо снимать жилье и быть как ветер, что ты зациклился на этом Париже, вот сколько неудачного в нем.

Есть неудачное, не спорю. Про это я тоже расскажу.

Когда много лет назад я сочинял путеводитель по Парижу, я выписывал разные умные слова про страсть к этому городу. «Париж стоит мессы». Или вот, только послушайте: «Увидеть Париж и умереть».

Красиво!

У меня случилось всё наоборот.

Сначала как раз я. Я умер. В мозгу моем что-то хлопнуло, лопнуло, в нем неожиданно оказалась кровь, я стал заговариваться, на меня посмотрели с ужасом и отправили на хирургический стол.

Все это я помню смутно, но, когда я ожил, а я таки ожил, я выглядел как персонаж модного тогда фильма «Аватар»: из моей головы тянулись трубочки, по которым из мозга выкачивали всякое ненужное дерьмо, сложные, лишние мысли. Мне сразу стало легче.

Потом ко мне зачастили психологи, которые показывали мне картинки про жирафа, задавали простые задачи и просили что-то сосчитать. Считать я еще в школе не умел, но жирафа знал, мне было лучше, мне было уже не хуже.

Жена звонила мне из Нью-Йорка, где она находилась в важной служебной командировке. Она плакала и говорила: «Держись! Ты только держись. Теперь все будет по-другому». Она сама даже не знала, как была права. Всё стало по-другому. Мы развелись. Я живу в Париже, она в Лондоне. И я держусь.

ХОЛОДНЫЙ ПРИЕМ

#парижскийадрес #парижскиевремена

Самое удивительное было в том, как просто оказалось переехать в Париж. В Москве всё прошло очень легко.

Меня знали в посольстве: есть такой восторженный чувак, любит Францию, хочет туда журналистом. Бог с ним, да пускай едет! Крым тогда еще был не наш, и относились к нам по-другому.

Совсем оказалось несложно. Москва меня отпустила, Париж меня принял, и все мое как-то уместилось в одном чемодане.

Я приехал под Новый год. Это, значит, зима.

— Ну какая зима в Париже! — фыркнете вы мне.

Так вот, не фыркайте. Чтобы я не испытывал ностальгии, мне включили настоящую зиму. Не обычную парижскую — которая, конечно, леденцовая, тут вы правы.

Я приехал в дикий холод. Старожилы не припомнят. Минус семь на улице, плюс пятнадцать в спальне. Я вспоминал, что именно при такой температуре выдерживал Николай I маленьких Александра с Константином в детских комнатах в Царском Селе, и проникался ненавистью к самодержавию.

Говоря про минус семь, я вовсе не смеюсь над парижанами — «горя они не знают». Просто минус семь в Париже — это даже не минус двадцать в Москве. Это, считай, под сорок. Полюс холода. Вечная мерзлота.

Здесь не привыкли к морозам, потому что они приходят настолько редко, что их можно не учитывать, как ничтожно малую погрешность. Но уж когда они приходят, горько вспоминаются и одно стекло в оконной раме, и слабые батареи, и привычка ходить по улицам без шапок.

И океан в двух часах, близостью которого раньше можно было только гордиться, теперь наполняет Париж гадкой ледяной сыростью.

Я был счастлив тем, что захватил с собой московскую, почти полярную парку, и первое время ходил в ней: плотно застегнувшись — на улице, нараспашку — в доме. Парижане же сначала относились к холоду наплевательски и, весело хохоча, выбегали на улицу в расстегнутом пальтишке и размотанном шарфике. Я лично пытался остановить безумца, который вел по лестнице ребенка в школу. Куда пошел расстегнутый, запахнись!

— Странно, — сказал мне сосед, удивившись моей горячности, — вы же, кажется, русский, вам ли бояться холода?

— Вы считаете, месье, что мы, русские, не боимся холода? Это совершенно не так! Мы, русские, не боимся жары. Мы считаем, что комната должна быть нагрета докрасна, и тогда нам наплевать, что там на улице. Невыносима ведь не температура на мостовой сама по себе, а отсутствие разницы между улицей и домом.

Что такое мороз для французов? В конце концов, вам надо, стиснув зубы, продержаться две холодные недели, а там весна вознаградит вас сполна. Мы же, погруженные в зиму на полгода, не можем ждать помилования во глубине сибирских руд. Мы можем только яростно бороться, согреваясь снаружи и изнутри.

Мы никогда не шутим с морозом, потому что знаем, как он лют! Мы уважаем его как нашего главного генерала, героя отечественной войны, и не одной. Врагов мы не просто уничтожаем, мы их вымораживаем, как вшей.

А вот сейчас выморозить пытались меня.

ПУТЬ К ТЕПЛУ ЧЕРЕЗ ПРОПИСКУ #парижскийадрес #парижскиевремена

Отсидиваться дома я не мог. Моя виза действовала три месяца, и за эти три месяца Французская рес-

публика должна была решить, достоин ли я дальше мерзнуть в ее объятиях.

Сначала следовало прописаться в моей квартире.

Нам в Москве говорили, что «прописки в цивилизованных странах нет». Я помню. Как бы не так! Просто в Париже это происходит вовсе не в полиции. А в коммунальных службах. В так называемой *EDF* — национальной электрической компании.

Главное доказательство, что ты проживаешь по указанному адресу, это справка электриков о том, что ты там платишь за свет. Мысль о том, что ты можешь платить за свет сразу в двух квартирах, кажется абсурдной и не рассматривается.

Контора *EDF* в морозы была переполнена, как московская сберкасса в дни выдачи пенсии. Дело в том, что большинство квартир в центре обогреваются электрическими радиаторами, и мороз выгнал из нор злостных неплательщиков. Все, кто с лета откладывал свой визит к электрикам, встали в срочную очередь. Так бегут к ночному зубному люди, прежде надеявшиеся, что пломба сама как-нибудь вернется на место.

Чтобы открыть счет в *EDF*, надо иметь счет в банке. Чтобы открыть счет в банке, надо иметь счет в *EDF*. Логически эта головоломка не решается, никак. Практически — да.